

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: НОВЫЕ СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

DOI 10.22394/1818-4049-2021-95-2-36-46

УДК 314.156(571.6)

М. А. Грицко

Социально-демографические параметры Дальнего Востока России в условиях реализации документов стратегического развития¹

Демографический аспект развития самого крупного макрорегиона в стране остается в числе его ключевых проблем на протяжении длительного времени. На современном этапе реализации новой экономической политики в отношении Дальнего Востока проблеме ежегодно сокращающегося населения уделяется повышенное внимание со стороны федеральных властей. Цель по наращиванию демографического потенциала, прекращению миграционного оттока и привлечению на территории дальневосточных субъектов новых жителей за счет повышения качества жизни занимает центральное место во многих документах стратегического характера. Так, в 2017 г. была принята Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г. В 2020 г. утверждена Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г. Вместе с тем, несмотря на активную деятельность в части разработки и принятия стратегических документов и имплантации различного рода институциональных новаций, реальная социально-демографическая ситуация в макрорегионе значительно отличается от сформированных ожиданий. В статье проведен анализ двух указанных документов с точки зрения достижения заявленных в них параметров. Основное внимание уделено первому этапу реализации Концепции демографической политики, который пришелся на период 2017–2020 гг. Сделан вывод, что принятые документы стратегического характера до настоящего времени не привели к достижению запланированных результатов. Так, фактические социально-демографические показатели в течение реализации первого этапа Концепции демографической политики значительно отставали от плановых значений, при этом отмечалось ежегодное увеличение разрыва между ними. Значительное ухудшение ситуации произошло в 2020 г., когда в России и мире получила распространение новая коронавирусная инфекция. Учитывая, что неблагоприятная ситуация сохраняется, и в настоящее время наблюдается третья волна заболеваемости, высока вероятность дальнейшего нарастания разрыва между планируемыми и реальными результатами, что требует корректировки мероприятий и индикаторов, заложенных в документах стратегического развития макрорегиона.

Ключевые слова: численность населения, суммарный коэффициент рождаемости, смертность населения, продолжительность жизни, уровень бедности, реальные доходы населения, демографическая политика, концепция, национальная программа, Дальний Восток.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 20-010-00818 А).

Грицко Мария Анатольевна – канд. экон. наук, , ученый секретарь, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153) E-mail: gritsko@ecrin.ru

Введение. Решение проблемы ежегодного сокращения дальневосточников продолжает оставаться целевой областью «новой экономической политики», проводимой федеральными властями в отношении макрорегиона. При этом, несмотря на обширный перечень принятых в последние годы нормативных документов, направленных на социально-экономическое развитие Дальнего Востока, показатели официальной статистики до сих пор далеки от ожидаемых результатов [Минакир, 2021. С. 7–15; Минакир, Найден, 2020. С. 30–61].

Среди документов, непосредственно направленных на улучшение демографической ситуации в макрорегионе, следует выделить принятую в 2017 г. Концепцию демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г. (далее – Концепция). В соответствии с ней демографическая политика в отношении стратегически важного для России макрорегиона направлена на обеспечение стабилизации и увеличение численности народонаселения в субъектах Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО), создание условий для устойчивого роста рождаемости и продолжительности жизни, сокращение уровня смертности, снижение миграционного оттока постоянного населения, повышение миграционной привлекательности для потенциальных переселенцев и формирование устойчивого миграционного притока населения в регионы Дальнего Востока². Стратегической целью демографической политики является стабилизация численности населения к 2020 г. на уровне 8,3 млн человек и ее постепенное увеличение к 2025 г. до 8,6 млн человек³.

В сентябре 2020 г. была утверждена Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Восто-

ка на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г. (далее – Национальная программа, Программа).⁴ К моменту завершения программы планируется полностью остановить миграционный отток населения с Дальнего Востока, обеспечить темпы роста показателей качества жизни населения и экономического развития выше среднего российского уровня. При этом в отличие от Концепции, в Национальной программе не содержится конкретных индикаторов социально-экономического развития, которые были бы расписаны по годам и в разрезе дальневосточных субъектов. В раздел Программы, посвященный качеству жизни населения, включены объекты социальной инфраструктуры, которые планируется построить или модернизировать в период ее реализации.

В рамках данного исследования внимание автора будет сосредоточено на анализе этих документов с позиции достижения запланированных в них показателей социально-демографического развития макрорегиона и входящих в его состав субъектов. Завершившийся в 2020 г. первый этап реализации Концепции демографической политики позволяет оценить, совпали ли ожидания с реальной ситуацией в субъектах ДФО, и каким регионам в наибольшей степени удалось приблизиться к планируемому результату.

Анализ социально-демографических параметров Дальнего Востока России.

Численность населения Дальнего Востока на начало 2021 г. составила 8124 тыс. чел., сократившись относительно предшествующего года более чем на 45 тыс. чел. (табл. 1). Среди всех субъектов округа единственной территорией, продемонстрировавшей рост населения в 2020 г., стала Республика Саха (Якутия).

Фактические данные на начало текущего года оказались ниже уровня, заложенного в Концепции. Согласно стратеги-

² Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года: утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 20 июня 2017 г. № 1298-п. URL: <https://minvr.gov.ru/upload/iblock/3a2/Концепция%20демографической%20политики.pdf> (дата обращения: апрель 2021 г.)

³ Об утверждении изменений, которые вносятся в Концепцию демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года: утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2019 г. № 3146-п. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564066448> (дата обращения: апрель 2021 г.)

⁴ Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2020 г. № 2464-п. URL: <http://static.government.ru/media/files/NA1SPJ8QMRZUPd9LIMWJoeVhn1l6eGqD.pdf> (дата обращения: май 2021 г.)

скому документу численность населения макрорегиона в 2020 г. должна была составить 8311,5 тыс. чел., но по факту оказалась меньше на 164872 чел. Отклонение от плановых параметров отмечалось по всем дальневосточным субъектам. В течение первого этапа реализации Концепции демографической политики Дальнего Востока положительная разница наблюдалась в Забайкальском крае, при этом превышение фактических данных относительно запланированных с каждым годом сокращалось. Если в 2017 г. отклонение фактической численности населения от запланированной составило чуть более 112 тыс. чел., то в 2020 г. сократилось до 79,5 тыс. чел. В таких субъектах как Республика Бурятия, Камчатский край, Сахалинская область и Чукотский автономный округ изменение численности населения носило волнообразный характер. В отдельные годы фактическая численность превышала плановую, но общим для всех перечисленных субъектов является тот факт, что сокращение населения в 2020 г. в результате естественных и миграционных процессов привело к тому, что фактическое значение показателя опустилось ниже запланированной отметки (табл. 2). В остальных субъектах ДФО период 2017–2020 гг. характеризовался стабильным сокращением населения и нарастанием разрыва между фактическим и запланированным уровнем

показателя.

Помимо численности населения, Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г. содержит плановые значения таких показателей, как суммарный коэффициент рождаемости, общий коэффициент смертности, ожидаемая продолжительность жизни, реальные денежные доходы населения, уровень бедности (доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума).

Суммарный коэффициент рождаемости отражает не только динамику рождаемости как таковую, но и характеризует уровень воспроизводства населения. Он показывает, сколько в среднем детей родила бы одна женщина в течение фертильного возраста при сохранении в каждом возрасте уровня рождаемости того года, для которого вычисляется показатель независимо от смертности и от изменений возрастного состава. Значение коэффициента выше 2,1 свидетельствует о расширенном воспроизводстве населения, когда последующее поколение численно превышает предыдущее. Согласно Концепции достижение расширенного воспроизводства к 2020 г. прогнозировалось в двух субъектах: Республике Бурятия (2,123) и Республике Саха (Якутия) (2,24). Максимально приближенным к расширенному воспроизводству плановое значение коэффициента было уста-

Таблица 1

Численность населения на начало года, чел.

Территория	2018	2019	2020	2021
Дальневосточный федеральный округ	8222601	8188623	8169203	8124053
Республика Бурятия	984511	983273	985937	985431
Забайкальский край	1072806	1065785	1059700	1053485
Республика Саха (Якутия)	964330	967009	971996	981971
Камчатский край	315557	314723	313016	311667
Приморский край	1913037	1902718	1895868	1877844
Хабаровский край	1328302	1321473	1315643	1301127
Амурская область	798424	793194	790044	781846
Магаданская область	144091	141234	140149	139034
Сахалинская область	490181	489638	488257	485621
Еврейская автономная область	162014	159913	158305	156500
Чукотский автономный округ	49348	49663	50288	49527

Источник: Численность постоянного населения на 1 января. Данные Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31557> (дата обращения: 15.06.2021)

новлено для Сахалинской и Еврейской автономной областей, а также Чукотского автономного округа – 2,075; 2,0 и 2,0 соответственно. По остальным территориям Дальнего Востока к концу реализации мероприятий первого этапа Концепции суммарный коэффициент рождаемости варьировал от 1,75 в Магаданской области до 1,95 в Амурской области.

По итогам первого этапа реализации Концепции достичь запланированных значений суммарного коэффициента рождаемости не удалось ни одному дальневосточному субъекту в отличие от показателя численности населения. Расхождение между фактическими и ожидаемыми показателями с каждым годом возрастало, и подобная ситуация наблюдалась по всем субъектам. Незначительное опережение коэффициента, заложенного в Концепции, отмечалось в 2017 г. в Республике Бурятия, Сахалинской области и Чукотском автономном округе – на 0,004; 0,01 и 0,069 соответственно (рис. 1).

Завышенные ожидания были сформированы и в отношении показателя смертности населения от всех причин. Причем, если в первый год реализации Концепции общий коэффициент смертности был немного ниже запланированного, то со следующего года ситуация стала меняться в худшую сторону. В 2020 г. в связи с распространением пандемии новой коронавирусной инфекции отклонения резко увеличились. Данные таблицы 3 показы-

вают, что разница между показателями в большинстве субъектов в первые три года реализации Концепции не превышала 1. Исключением стали Приморский и Хабаровский края, а также Амурская область, в которых по результатам 2019 г. смертность населения от всех причин в расчете на 1000 чел. населения превысила запланированные показатели на 1,3; 1,5; и 1,7 промилле соответственно. Отдельные субъекты, напротив, характеризовались пониженным уровнем смертности. К их числу, прежде всего, относится Республика Саха (Якутия), которая на протяжении 2017–2019 гг. опережала запланированные показатели. Но в 2020 г. уже все дальневосточные субъекты существенно превысили запланированный показатель смертности населения. Антилидером рейтинга стала Амурская область, в которой разница между показателями составила 4,3 промилле. Республика Саха (Якутия) и Чукотский автономный округ продемонстрировали наименьшее отклонение.

В Концепции приведены данные только по общему коэффициенту смертности, который наряду с простотой расчета обладает существенным недостатком – зависимостью от возрастной структуры населения. При этом в отдельных возрастах наблюдается повышенный уровень смертности, что меняет оценку реальной ситуации. В частности, для Дальнего Востока серьезной проблемой является сохранение высокого уровня смертности

Таблица 2

Разница между фактической и запланированной численностью населения, тыс. чел.

Территория	2017	2018	2019	2020
Дальневосточный федеральный округ	-12,801	-49,388	-92,087	-164,872
Республика Бурятия	0,323	-0,108	1,605	-5,316
Забайкальский край	112,894	106,296	92,742	79,593
Республика Саха (Якутия)	-115,418	-107,331	-96,497	-90,017
Камчатский край	0,143	0,140	-2,131	-3,659
Приморский край	-4,924	-22,123	-35,707	-53,144
Хабаровский край	-4,202	-15,113	-31,442	-56,115
Амурская область	-1,912	-6,191	-11,381	-18,055
Магаданская область	-1,169	-4,337	-6,308	-8,409
Сахалинская область	1,763	2,910	1,948	-0,061
Еврейская автономная область	-0,884	-4,036	-5,891	-9,598
Чукотский автономный округ	0,585	0,505	0,975	-0,093

Источник: расчеты автора.

населения в трудоспособном возрасте, в особенности среди мужчин [Грицко, 2020. С. 5–19; Грицко, Поливаева, 2020. С. 48–59]. При этом с каждым годом увеличивается отставание дальневосточного показателя от среднероссийского уровня. Если в 2017 г. смертность населения трудоспособного возраста от всех причин превысила средний показатель по РФ на 21%, то к 2019 г. разрыв увеличился на

5 п.п. По отдельным дальневосточным субъектам уровень смертности практически в два раза превышает среднероссийский. Так, в 2018 г. смертность в Чукотском автономном округе оказалась выше показателя по РФ на 98%, что было обусловлено, в первую очередь, двукратным превышением смертности в результате болезней органов дыхания и трехкратным – по внешним причинам. Единственным

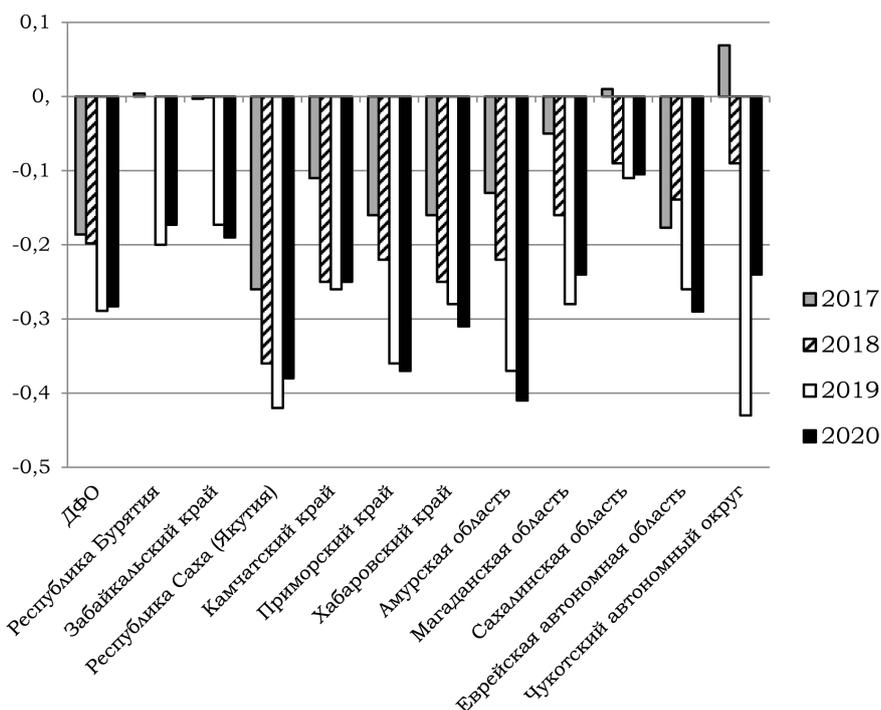

Рис. 1. Разница между фактическим и запланированным показателем суммарного коэффициента рождаемости

Таблица 3

Разница между фактическим и запланированным общим коэффициентом смертности населения, промилле

Территория	2017	2018	2019	2020
Дальневосточный федеральный округ	-0,2	0,2	0,6	2,3
Республика Бурятия	-0,1	0,0	0,4	1,4
Забайкальский край	-0,1	-0,1	0,6	2,1
Республика Саха (Якутия)	-0,3	-0,6	-0,5	0,9
Камчатский край	-0,2	0,3	0,4	2,4
Приморский край	0,0	0,8	1,3	3,6
Хабаровский край	0,3	0,4	1,5	3,9
Амурская область	0,1	0,5	1,7	4,3
Магаданская область	0,0	0,0	0,4	1,5
Сахалинская область	-0,7	0,5	0,9	2,7
Еврейская автономная область	-1,0	-0,3	1,0	3,0
Чукотский автономный округ	-0,9	1,1	-0,6	0,7

Источник: рассчитано автором.

дальневосточным субъектом, в котором смертность трудоспособного населения ниже среднероссийской, являлась Республика Саха (Якутия). В 2019 г. показатель составил 99% от среднего по стране.

О необходимости снижения смертности населения трудоспособного возраста упоминается и в Национальной программе. Среди стратегических целей развития макрорегиона до 2024 г. – снижение не менее чем на 35% смертности трудоспособного населения. Но фактические данные свидетельствуют об обратной тенденции: смертность трудоспособного населения растет, при этом увеличивается и отставание от среднероссийского уровня. Появление официальных данных за 2020 год в разрезе возрастных групп населения, очевидно, продемонстрирует только ухудшение ситуации.

Высокая смертность дальневосточников обуславливает низкую ожидаемую продолжительность жизни населения (далее – ОПЖ). Отставание от среднероссийского уровня в 2020 г. составило 2,39 года. Долгосрочные тренды свидетельствуют, что отклонение в целом по Дальнему Востоку никогда не опускалось ниже двух лет. В отдельные годы разрыв достигал трех лет, а максимальный за три последних десятилетия показатель 3,47 лет наблюдался в 2011 г.

О необходимости ликвидации отставания Дальнего Востока по показателю продолжительности жизни говорится как в Концепции, так и в Национальной программе. При этом в первом документе прогнозируется, что к 2025 г. продолжительность жизни дальневосточников составит 76 лет. По сравнению с плановым показателем 2017 г., который составлял 68,4 года, рост за весь период реализации Концепции составит 7,6 года. В Национальной программе среди целей развития Дальнего Востока указывается о необходимости увеличения продолжительности жизни не менее чем на 5 лет, без указания конкретной цифры к которой необходимо стремиться. При этом не сказано относительно какого года производить расчет. Учитывая, что документ был принят в сентябре 2020 г. и годовых данных за этот период на тот момент еще не было опубликовано, следует предположить, что базовым является уровень 2019 г., в котором ОПЖ в целом по Дальнему Востоку

составляла 70,22 года. Таким образом, реализация запланированных мероприятий Национальной программы должна привести к росту показателя до 75,22 лет.

Однако результаты первого этапа реализации Концепции не внушают оптимистических ожиданий относительно возможности достижения запланированных показателей (рис. 2). Наиболее успешным годом оказался 2017 – положительная разница наблюдалась по всем субъектам ДФО, за исключением Магаданской области. В следующем году к Магаданской области прибавилось еще 6 субъектов. В 2019 г. состав субъектов, отстающих от плановых показателей, увеличился до 9. И в заключительный год первого этапа реализации Концепции уже все территории Дальнего Востока отставали от плановых значений. При этом значительно увеличился разрыв между фактическими данными и ожидаемыми, варьировавший от 2,2 лет в Республике Саха (Якутия) до 4,7 лет в Еврейской автономной области. В целом по Дальнему Востоку расхождение составило 3,85 года.

В отношении перспективной динамики социальных показателей документы стратегического характера содержат меньшее количество индикаторов. В Концепции демографической политики приведены плановые значения реальных денежных доходов населения и уровня бедности. В Национальной программе упоминается только о том, что к 2024 г. поставлена цель по превышению среднероссийских темпов роста показателей качества жизни, среди которых помимо рассмотренных ранее продолжительности жизни и смертности населения трудоспособного возраста, увеличение годового объема жилищного строительства в 1,6 раза. Прогнозных оценок относительно изменения денежных доходов населения в Программе не содержится.

Динамика реальных денежных доходов населения Дальнего Востока в последние годы сопоставима с общероссийской. В 2017 г. отрицательный темп роста был характерен как для среднего по стране показателя, так и для большинства дальневосточных субъектов и федерального округа в целом. Только три субъекта продемонстрировали положительную динамику – Амурская и Магаданская области, Чукотский автономный округ. В следую-

Рис.2. Разница между фактическим и планируемым значением ожидаемой продолжительности жизни, лет.

щий год подобные результаты уже отмечались практически по всем территориям, исключение составили только Республика Бурятия и Еврейская автономная область. Наиболее благополучным оказался 2019 г., когда темп роста в целом по ДФО превысил среднероссийский показатель – 101,9% против 101,7% соответственно. При этом семь субъектов продемонстрировали рост доходов выше среднего по стране. Единственной территорией, в которой сохранился спад реальных доходов населения, осталась Республика Бурятия. Результаты 2020 г. ожидаемо продемонстрировали спад денежных доходов населения, обусловленный нестандартными условиями функционирования экономики при жестком регламентировании хозяйственной деятельности и социальной активности населения в период распространения новой коронавирусной инфекции [Прокапало, Бардаль, Исаев, Мазитова, Суслов, 2021. С. 81–126]. Годовые данные при этом оказались не столь провальными, как например показатели

второго квартала, на который пришелся основной экономический спад, и реальные располагаемые доходы населения упали на 8%⁴. Социальные выплаты, которые направлялись государством на поддержку населения в 2020 г., несколько смягчили ситуацию. Среди дальневосточных субъектов только две территории смогли сохранить положительный прирост реальных денежных доходов населения: в Магаданской области он составил 0,5 п.п., в Чукотском автономном округе – 5,1 п.п. по сравнению с предыдущим годом⁵.

Сопоставление фактических и запланированных в Концепции значений показывает, что показатель реальных денежных доходов населения можно считать одним из наиболее «успешных» индикаторов. При этом необходимо заметить, что в течение рассматриваемого периода методология расчета доходов россиян неоднократно менялась, что могло повлиять на благоприятные оценки⁶.

На протяжении предковидного периода реальные доходы населения округа в

⁴ Реальные располагаемые доходы россиян рекордно упали из-за пандемии // РБК. 17 июля 2020 г. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/07/2020/5f119dad9a79475dd1458eeb> (дата обращения: июнь 2021 г.).

⁵ Реальные денежные доходы. Данные Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31422> (дата обращения: 30 июня 2021 г.).

⁶ Росстат изменит методологию расчета доходов россиян // РБК. 19 марта 2019 г. URL: <https://www.rbc.ru/economics/19/03/2019/5c9108f69a79474300133f12> (дата обращения: апрель 2020 г.).

целом и большинства дальневосточных субъектов превышали запланированный уровень (табл. 4). Единственным субъектом, сохранившим на протяжении всего периода положительную разницу между планируемыми и фактическими показателями, стал Чукотский автономный округ. Республика Бурятия и Хабаровский край, напротив, на протяжении всего периода реализации первого этапа Концепции отставали от запланированных показателей.

Несмотря на относительно благоприятную динамику реальных денежных

доходов населения с точки зрения выполнения запланированных параметров, ситуация с изменением уровня бедности характеризуется обратными тенденциями. Ожидания относительно ежегодного сокращения доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума оказались завышенными по отношению к большинству субъектов. В пяти регионах фактический уровень бедности превышал запланированный на протяжении всего периода, при этом с каждым годом разница становилась выше (табл. 5).

Таблица 4

Разница между фактическим и ожидаемым показателем реальных денежных доходов населения, п. п.

Территория	2017	2018	2019	2020
Дальневосточный федеральный округ	2,3	1,7	3,9	-1,2
Республика Бурятия	-3,1	-3	-2,2	-4
Забайкальский край	1,3	1,8	1,4	-3,2
Республика Саха (Якутия)	-2,6	0,3	-0,4	-3,6
Камчатский край	-0,7	4,2	2,4	-2,3
Приморский край	-1,6	2,3	-0,9	-5,9
Хабаровский край	-3,7	-1	-0,6	-5,2
Амурская область	-0,3	0,7	-1,6	-4,1
Магаданская область	0,7	1,8	1,7	-1
Сахалинская область	-1	3,7	4,6	-3,6
Еврейская автономная область	-3,9	-2,5	0,2	-2,2
Чукотский автономная область	3,6	2,5	0,5	4

Источник: рассчитано автором.

Таблица 5

Разница между фактическим и плановым показателем уровня бедности населения, п. п.

Территория	2017	2018	2019	2020
Республика Бурятия	0,9	1,2	4,1	5,7
Республика Саха (Якутия)	1,2	0,9	0,8	1,3
Забайкальский край	0,5	0,4	1,5	5,1
Камчатский край	-2,2	-3,1	-3,3	-1,5
Приморский край	-0,2	-0,7	-0,2	0,7
Хабаровский край	0	-0,3	-0,3	0,1
Амурская область	1,5	1	1,7	1,9
Магаданская область	-0,9	-2	-2,2	-2,3
Сахалинская область	0,2	-0,2	-0,1	-0,1
Еврейская автономная область	1,8	3,6	5,9	7,6
Чукотский автономный округ	-1,6	-0,9	-0,8	-0,8

Источник: рассчитано автором.

Субъектам сырьевой специализации удалось не только достигнуть запланированных значений, но и превысить их. К их числу относятся Камчатский край, Магаданская область и Чукотский автономный округ. В этот список можно также включить Сахалинскую область, в которой невыполнение плана наблюдалось только в 2017 г., когда фактический уровень бедности на 0,2 п.п. превысил запланированный. Приморский и Хабаровский края 2017–2019 гг. характеризовались положительной разницей между фактическим и плановым показателем, но в 2020 г. ситуация в этих субъектах изменилась, и фактическая доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума превысила запланированную на 0,7 и 0,1 п.п. соответственно.

Заключение. Проведенный анализ показал, что ожидания относительно будущих контуров социально-демографических параметров развития Дальнего Востока, содержащихся в документах стратегического характера, значительно отличаются от реальной ситуации в макрорегионе. Если даже оставить за пределами анализа кризисный 2020 г., кардинальных изменений не произойдет, поскольку и в 2017–2019 гг. запланированные в Концепции показатели не выполнялись практически ни одним дальневосточным субъектом. Сложность достижения высоких темпов роста связана с тем, что ожидаемая продолжительность жизни, как и другие демографические параметры, обладают очень высокой инерционностью и слабо реагируют на воздействие более динамичных факторов, которые их формируют [Фальцман, 2021. С. 113–120]. В этой связи даже при значительных финансовых вливаниях, направляемых в развитие социальной инфраструктуры, стимулирование рождаемости, предотвращение преждевременной смертности и другие направления, быстрый эффект в виде ежегодного роста показателей невозможен. В условиях значительного от-

ката назад, который произошел в 2020 г. по всем планируемыми показателям, потребуется несколько лет для восстановления доковидного уровня. Так, по оценкам экспертов, сделанным в 2020 г., возвращение показателя ожидаемой продолжительности жизни к прежнему уровню произойдет только к 2024 г.⁷. Однако такой вывод был получен год назад, а с учетом текущей ситуации с заболеваемостью и смертностью населения, показатели которых превышают прошлогодние данные, для восстановления потребуется более длительный период. Неопределенность в отношении дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции, ее продолжительности и последствий для социально-экономической системы дает основания предположить, что текущий год не станет восстановительным периодом, а его итоги еще больше ухудшат социально-демографическую динамику. Начавшийся в 2021 г. второй этап реализации Концепции демографической политики Дальнего Востока, а также продолжение первого этапа Национальной программы, обуславливают необходимость актуализации документов и корректировки заложенных в них ожиданий относительно ускоренного роста показателей развития Дальневосточного макрорегиона с учетом текущей динамики социально-демографических процессов.

Список литературы:

1. Грицко М. А. Человеческий потенциал «нового» Дальнего Востока // Регионалистика. 2020. Т. 7. № 1. С. 5–19. DOI: 10.14530/reg.2020.1.5
2. Грицко М. А., Поливаева О. Г. Демографический потенциал Дальнего Востока: ожидания и реальность // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 4 (93). С. 48–59. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-93-4-48-59
3. Минакир П. А. «Восточная государственная социально-экономическая по-

⁷ Ожидаемая продолжительность жизни в России в пандемию снизилась на 2 года. Показатель вернется к доковидному уровню только к 2024 году // РБК. 11 марта 2020 г. URL: https://www.rbc.ru/economics/11/03/2021/604a3c099a7947c4afb996b7?from=from_main_2 (дата обращения: июнь 2021 г.).

литика»: миссия (не)выполнима? // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 2. С. 7–15. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.2.007-015>

4. Минакир П. А., Найден С. Н. Социальная динамика на Дальнем Востоке: дефект идей или провал институтов? // Регион: Экономика и Социология. 2020. № 3 (107). С. 30–61.

5. Прокапало О. М., Бардаль А. Б., Исаев А. Г., Мазитова М. Г., Суслов Д. В.

Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2020 г. // Пространственная экономика. 2021. № 2. С. 81–126. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.2.081-126>

6. Фальцман В. К. Зависимость продолжительности жизни населения от благосостояния страны (межстрановое статистическое исследование) // Проблемы прогнозирования. 2021. № 2. С. 113–120. DOI: 10.47711/0868-6351-185-113-120

Библиографическое описание статьи

Грицко М. А. Социально-демографические параметры Дальнего Востока России в условиях реализации документов стратегического развития // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 2 (95). С. 36–46. DOI 10.22394/1818-4049-2021-95-2-36-46

Mariya A. Gritsko – *Candidate of Economics, scientific secretary, the Institute of economic researches of FEB RAS (153, Tikhookeanskaya str., Khabarovsk, 680042, Russia). E-mail: gritsko@ecrin.ru*

Socio-demographic parameters of the Far East of Russia in the conditions of the implementation of documents of strategic development

The demographic aspect of the development of the largest macro-region in the country remains among its key problems for a long time. At the present stage of the implementation of the new economic policy in relation to the Far East, the federal authorities pay increased attention to the problem of the annually shrinking population. The goal of building up the demographic potential, stopping the migration outflow and attracting new residents to the territory of the Far Eastern regions by improving the quality of life is central to many strategic documents. So, in 2017, the Concept of the demographic policy of the Far East for the period up to 2025 was adopted. In 2020, the National Program for the Socio-Economic Development of the Far East for the period until 2024 and for the future until 2035 was approved. At the same time, despite the active work in the development and adoption of strategic documents and the implantation of various kinds of institutional innovations, the real socio-demographic situation in the macroregion significantly differs from the formed expectations. The article analyzes the two indicated documents from the point of view of achieving the parameters declared in them. The main attention is paid to the first stage of the implementation of the Concept of Demographic Policy, which fell on the period 2017-2020. It is concluded that the adopted strategic documents have not yet led to the achievement of the planned results. Thus, the actual socio-demographic indicators during the implementation of the first stage of the Concept of Demographic Policy lagged significantly behind the planned values, while an annual increase in the gap between them was noted. A significant deterioration in the situation occurred in 2020, when a new coronavirus infection spread in Russia and the world. Considering that the unfavorable situation persists and the third wave of morbidity is currently observed, there is a high likelihood of a further increase in the gap between the planned and actual results, which requires adjusting the measures and indicators laid down in the documents of the strategic development of the macroregion.

Keywords: *regional development policy, backward territories, indicators of backwardness, territorial development, factors of social disadvantage.*

References:

1. Gritsko M. A. Human potential of the “new” Far East *Regionalistika* [Regional Studies], 2020, vol. 7, no. 1, pp. 5–19. DOI: 10.14530 / reg.2020.1.5 (In Russian).
2. Gritsko M. A., Polivaeva O. G. Demographic potential of the Far East: expectations and reality *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and management in the East of Russia], 2020, no. 4 (93), pp. 48–59. DOI: 10.22394 / 1818-4049-2020-93-4-48-59 (In Russian).
3. Minakir P. A. “Eastern State Socio-Economic Policy”: Mission (Not) Feasible? *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2021, no. 2, pp. 7–15. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.2.007-015> (In Russian).
4. Minakir P. A., Naiden S. N. Social Dynamics in the Far East: Defect of Ideas or Failure of Institutions? *Region: Ekonomika i Sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2020, no. 3 (107), pp. 30–61. (In Russian).
5. Prokapalo O. M., Bardal A. B., Isaev A. G., Mazitova M. G., Suslov D. V. Economic conditions in the Far Eastern Federal District in 2020 *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2021, no. 2, pp. 81–126. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.2.081-126> (In Russian).
6. Faltsman V. K. Dependence of life expectancy of the population on the welfare of the country (cross-country statistical study) *Problemy prognozirovaniya* [Problems of forecasting], 2021, no. 2, pp. 113–120. DOI: 10.47711 / 0868-6351-185-113-120 (In Russian).

Reference to the article

Gritsko M. A. Socio-demographic parameters of the Far East of Russia in the conditions of the implementation of documents of strategic development // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 2 (95). Pp. 36–46. DOI 10.22394/1818-4049-2021-95-2-36-46
